

A photograph of a park scene. In the foreground, a wide gravel path leads towards a wooden gazebo with a dark roof. To the right, a stone balustrade runs along a path. In the background, there are trees and a tall, thin lamppost. The sky is overcast.

12+

Екатерина Береславцева

Город

Екатерина Береславцева

Город

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Береславцева Е. В.

Город / Е. В. Береславцева — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Успешного дизайнера Изольду судьба забросила в чудесный незнакомый городок Арбузов. Жильё она находит через попутчицу, предложившую ей квартиру своего брата Василия, и в первый же день приезда Изольда сталкивается с жителем города Матвеем, который через минуту общения признаётся ей в любви. Прогулки с Матвеем по городу, полному чудес, дружеское общение с Васей, очарования и неожиданные встречи — путешествие в Арбузов оказалось невероятным, захватывающим ум и воображение, но с каким сердцем придётся расставаться нашей героине с человеком, которого она полюбила, и городом, который захватил её в свои сети? И состоится ли это расставание?

© Береславцева Е. В., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Часть 1

Пролог

– Здравствуйте, а я вас узнала! – уставшее лицо моментально преобразилось. – Куда на этот раз? Или как обычно?

– Как обычно.

...Вам как обычно, двойной эспresso? И этот маленький бисквит?...

– Прекрасно! – Быстрые пальчики замелькали над клавиатурой. – Значит, так! Двадцать три минуты до отправления Казани, двадцать – до Магнитогорска и пятнадцать до Самары!

– Ах, Самара, городок! – протянула раздумчиво и...

– А еще Арбузов!

– Что??

– Ну, Арбузов, городишко такой. В южном направлении.

– В южном? – это завершило дело. – Пойдёт. Зимой птицы тянутся на юг...

– Тогда оформляем? Осталось тринадцать минут!

– Да!

Число тринадцать она любила...

Глава 1

Самым первым местом, куда меня занесло с этюдником, оказалась Коломна. Нет, вообще-то на пленэр ехать я не собиралась. Так уж получилось, что Лёня, бывший однокурсник, обзаведшаяся желающих выехать на природу, набрал и мой номер. Чудеса да и только, я-то никогда в его подругах не ходила, но, видно, остальные отказались, сославшись на дела. А у меня в то время было затишье – институт я окончила, а на работу устроиться никак не могла, всё выбирала. Так что Лёне повезло, а уж мне-то как повезло, и говорить не нужно. На живую натуру я выбиралась не часто и очень себя за это обстоятельство журила. А тут такой случай, счастливый просто! У Лёничка в Коломне бабка обитает, вот у неё-то три недели мы и прожили. На этюды бегали каждый день, иной раз и по два раза – утром графика, после обеда живопись или наоборот. Нам не помешал даже сильнейший ливень, случившийся в один из дней; есть в Коломне дворик чудесный, оформленный специально для туристов, со скамейкой в ретро-стиле, на фоне которой – улица девятнадцатого века в виде фотооттиска на стене, и в этом дворике есть кафе, где плач природы мы и переждали. С Лёней мы в тот период очень сдружились, одно общее дело сближает людей, к тому же нашлись и другие, не менее увлекательные интересы...

После рождения дочки какое-то время Лёня жил у меня. Замуж не звал – я, впрочем, и не особо настаивала, как будто чувствовала, что всё скоро закончится – но теплые чувства ко мне и малышке испытывал. Чего не сказать об отношении его к моим дорогим родственникам. Да, в квартире, кроме молодой семьи, проживали также мать, тётка и бабка юной мамыши. Женское королевство с кодексом собственных законов и правил. Чем-то наши традиции Лёню не устроили; возможно, на него давило отсутствие личного пространства – хоть нам и выделили отдельную комнатку, но, во-первых, помещение оказалось проходным, что не могло понравиться крепкому молодому парню, а во-вторых, и днем, и ночью паслись на этом маленьком пятачке все мои родственницы попеременно, ребенок-то требовал присмотра! Мне почему-то они не доверяли, хотя я старалась изо всех сил. Хватило Лёничка на полгода. В тот день, когда Элли (Эльвира по паспорту и по горячему желанию моей бабки) в первый раз самостоятельно села, без поддержки взрослых рук, он и заявил:

– Прости меня, Изя (Изоolda по паспорту и по не менее горячему желанию моей матери), но жить я так больше не могу!

– Снимем квартирку? – поняла по-своему я его восклицание. Жить отдельно от родичей было моим тайным желанием.

– Я от вас ухожу!

– Ах, вот как?!

Конечно, если бы он произнес «от тебя», моя реакция была бы иной. Но это категоричное «от вас», куда, как мне показалось, он поместил и нашу дочь, ни в чём не повинного младенца, больно ударило по моим чувствам. И, поскольку пожениться мы так и не успели, о том, чтобы давать видиться папаше с дочерью, даже речи не возникло. Потом-то я, конечно, образумилась, но к тому времени Лёнька от нас отвык, завел другую девушку, а вскоре и женился на ней. Сейчас у Элли подрастает братик, с которым моя десятилетняя дочь никаких отношений не поддерживает, с активного одобрения всех окружающих её женщин. Зачем, собственно?

Помимо дочери, возникшей в результате лёгких и недолгих отношений, у меня появилось еще одно приобретение: желание, постепенно переросшее в привычку, несколько раз в год выезжать на этюды. Сначала – по ближнему Подмосковию (Коломна больше в этот список не входила, увы), а потом мою творческую натуру потянуло и дальше, благо мои родственницы во главе с бабулей против ничего не имели. А вот «за» – ещё как! И самым главным определяющим их согласия была непомерная любовь одиноких женщин к своей внучатой племяннице-внучке-правнучке. Наверное, если бы я осела в одном из прекрасных мест, куда забрасывала меня судьба, они бы возражать не стали. С условием, конечно, что ребенка оставят им. Но это уж нате вам, на такое я никогда не пойду!

А судьба забрасывала меня лихо. Стоя в очереди в билетную кассу, я сама не знала, куда отправлюсь на этот раз. Выбор предстояло делать спонтанно, по наитию, и не каждый раз он был удачен. Хотя большей частью мне везло. Вот и кассирши меня стали узнавать...

Про нынешний город Арбузов я слыхом никогда не слыхивала, хотя что-то смутное в памяти брезжило. Возможно, к названию города воспоминания отношения не имели...

Действовать буду как всегда: для начала поспрашиваю у попутчиков, вдруг кто-то подскажет, где можно остановиться тихой художнице без вредных привычек. Если не повезет, искать придётся по приезду, что тоже не особо сложно для человека, имеющего голову на плечах и правильно подвешенный язык. С людьми ладить мне всегда удавалось.

– Знаете, Изольда, – обрадовала меня первая же соседка, к которой я обратилась с вопросом, – у моего брата – огромная квартира, в которой хватит места хоть всему товариществу передвижников с Крамским во главе!

– Всему не надо! – женщина оказалась к тому же знатоком изобразительного искусства, что обрадовало меня вдвойне. А если ещё и брат близок к живописи... – А вы уверены, что ваш брат не будет против?

– Он-то? – она усмехнулась горделиво. – Васенька сделает так, как я скажу. Старшую сестру братишка слушается во всём!

Васенька, значит. Простенько, без мещанских изысков. У самой соседки по купе тоже оказалось незамысловатое имя – Света. Куда им до Изольд, Эльвир, Агнесс, Бронислав и Вольдемаров! А покойную мою тётушку, третью мамину сестру, и вовсе бабуля нарекла бесподобным именем Даздраперма, но это, думаю, в угоду её батюшке, моему прадеду. Говорят, суровый был коммунист. Но я отвлеклась.

– Что ж, лучшей новости придумать невозможно! Мне так повезло с вами!

– Я думаю, и брату повезло! – улыбнулась женщина. – Умная, интеллигентная девушка, да к тому же без вредных привычек...

Она это так сказала, будто не в жилички меня определяла, а в жёны. Интересно, а не так ли это было на самом деле? Если Васенька, исходя из её слов, тюфяк и подкаблучник, то не ищет ли любящая старшая сестра для братишки подходящую супругу? Хм, это оказалось бы излишним осложнением...

– А можете рассказать о вашем городе, Светлана? А то я еду, а у вас, может быть, и нет ничего... – я осеклась, слишком поздно поняв, что своими словами могу и обидеть человека.

– Всё у нас есть, как в Греции! А если чего нет, так оно нам и не нужно!

Она оглянулась на другую пассажирку, толстую одышливую тётушку в изрядно поношенном спортивном костюме унылого сизого цвета. Эта одежда шла этой женщине так же, как и мне роба сталевара. То есть никак!

На взгляд соседки толстуха улыбнулась, но промолчала. Отдуться пришлось Светлане.

– Ну правда-правда! Вас ведь интересуют старинные дома, живописные улочки и дворики? Так этого добра у нас пруд пруди! Кстати, пруд тоже имеется, чудесный, с утками и лебедями. В усадьбе Назаровых. Сейчас там музей, а раньше эти самые Назаровы и жили, до революции ещё. Красивейшее место, вам обязательно понравится! Там постоянно кто-нибудь из вашего брата-художника толчется. У нас художников-то мно-о-го! Есть и школа искусств, и училище, и художественный институт даже! Уезжать из Арбузова редко кто стремится, родной край милее всяких там столиц да заграниц!

Усадьба – это прекрасно, люблю я такие места! Воображение тут же нарисовало белокаменный дом с колоннами, окружённый сказочной красоты парком, высокую мраморную лестницу с изящными перилами и окна – стройные, арочные. А перед входом обязательно цветник. Без цветника никак!

– А наш оперный театр даже в Америку на гастроли ездит! – вставила реплику толстуха.

– Сама Анна Требо у нас пела, между прочим! И очень нашу труппу хвалила! – подхватила Светлана.

– Наша Арбузовка – самая чистая река в России! Форели там – завались, а это первейший показатель, знаете ли!

– Говорят, поимка форели на удочку приносит удачу и достаток. Так что точно вам говорю, самые удачливые люди живут именно в нашем Арбузове!

– И не только удачливые. Вот вы, например, знаете своих соседей не то что по подъезду, а вот даже по лестничной площадке? – в меня вбуравился дотошный взгляд толстухи. – Знаете??

– Вообще-то да. – Неловко было огорчать человека, но кривить душой я не люблю. – Мы же в этом доме лет пятьдесят живем, он еще прадеда моего застал...

– Значит, вам повезло. Но согласитесь, что редко кто из столичных жителей своих соседей знает. Каждый в своем закуточке прячется. А вот у нас в Арбузове не то что соседа, собаку его в лицо узнают. Всю её родословную вам расскажут, до пятого колена. И его хозяина тоже. А о чём это говорит?

– О чём? – я улыбнулась.

– О том, что люди у нас неравнодушные, вот о чём!

– Любовь Андреевна права! – жарко поддакнула Светлана. – В Москве вашей таких нет! Я бы могла ещё как поспорить на эту тему, но почему-то не стала.

– Да что там ваш Арбузов, вот Ярославль – это да!

К разговору неожиданно присоединился наш четвёртый попутчик, крепкий мужичок крестьянской наружности. На верхнюю полку он забрался сразу же, едва только поезд от Москвы отъехал. И даже похрапывать стал. А сейчас вдруг проснулся. Обида, видно, за родной город разбудила.

– Мы, между прочим, в Золотое кольцо входим, понятно вам? У нас храмов да церквей всяких, что травинки на участке, не сосчитать! В одиннадцатом веке Ярославль основан, а вот ваш Арбузов в каком, а? Небось, лет сто городишку, не более!

– Какие сто, какие сто! – в один голос заверещали тётушки. – Да Арбузов старше твоего Ярославля на двести лет! Что, съел?

– Подумаешь, двести! И какая-нибудь задрипанная деревня Осиповка может быть старше, а разве Ярославлю она в подметки сгодится? Да у нас одна только Волга – конца и краю не видать, так широка, а ваша Арбузовка, небось, лужа лужей, вот с руку мою!

И он потряс своей крепкой и очень волосатой ручишей перед нами. Тётки ахнули от возмущения, а я быстренько ретировалась из купе и плотно за собой дверь задвинула. Пусть разбираются сами! А я лучше на пейзажи законные полюбуюсь.

Любоваться, правда, не особенно получилось. Метель за окном поднялась, всё пространство запорошила, заволокла. Как будто вуаль белую на вагон набросили, ничего не видать. Ох, и затяжная в этом году зима выдалась! Уже март давно в калитки постучался, а февраль никак права передавать не желает. Только и остаётся надеяться, что город со сладким названием Арбузов согреет неумную путешественницу, теплом и гостеприимством порадует и в заснеженную Москву отправит совсем в другом настроении...

– Такой красавиц – и сафсэм одна, э?!

Я слегка вздрогнула от неожиданности и оглянулась. Передо мной, сияя так, как будто встретил свою родную сестру, пропавшую в младенчестве, стоял белозубый смуглолицый тип весьма характерной наружности. Ему только кинжал за пояс заткнуть да папаху на густые чёрные волосы надеть – вылитый герой Зельдина из моей любимой советской кинокомедии. Хотя вряд ли этот товарищ овец пасёт...

Я незаметно вздохнула. Что последует дальше, могла бы рассказать дословно. Тысячу и один раз проходила. Привыкла даже.

Увидав моё лицо, он обрадовался ещё больше, и, отчаянно жестикулируя, выкрикнул несколько фраз на мало известном мне языке. Я только руками развела.

– Извините, не понимаю!

– Как так – не понимаю? – изумился он. – Ты что, язык предков забыл?

– Боюсь, что у нас с вами разные предки, – добавив сожаления в голос, вздохнула я.

– Э-э-э??

Кажется, мои слова его расстроили, боюсь даже – возмутили. Чёрные брови превратились в одну сплошную линию. Отличный бы натурщик из него вышел, по привычке оценила я. Невероятно выразительное лицо.

– Я не азербайджанка, не армянка и даже не чеченка. Так вышло, понимаете?

– Я г-грузин! – гордо вскричал он, выпятив грудь вперёд и став будто даже на несколько сантиметров выше.

– И не грузинка, – быстро добавила я. – Русская я. Вот честное слово!

– Нэ вэрю!

– Да я сама себе не верю, когда в зеркало смотрюсь. Но что поделать? Такой вот каприз природы.

И улыбнулась, стараясь, впрочем, не особо усердствовать в этом. А то знаю я таких людей, даже малюсенькая, самая вежливая улыбка может расцениваться как сигнал к действию.

– Слушай, а хочешь, я тебе...

Он осёкся на полуслове, с неудовольствием оглянувшись на отъехавшую дверь купе. Моего. На пороге показалась Светлана, покрасневшая, в боевом настроении. Видно, спор между попутчиками разгорелся не на шутку.

Оценила обстановку она с первого взгляда.

– Изольда, девочка моя, тебя там твой муж ищет, весь телефон оборвал. Где ты застряла?

– Уже иду, дорогая Светлана! Муж – это святое!

Бросив незнакомцу еще одну улыбку на прощание, я все-таки не удержалась и быстро добавила:

– Мшвидобит, дзамико!

Дверь задвинулась прямо перед орлиным носом, но заметить, как вытянулось смуглое лицо, мне всё-таки удалось. К счастью, желания продолжать разговор у горячего парня больше не возникло, спустя несколько мгновений его голос гудел уже гораздо дальше от нашей двери. Видимо, нашёл ещё одну потенциальную жертву...

– Вы уж меня извините за вмешательство! – Светлана улыбнулась. Раскаяния, впрочем, в её голосе я не расслышала. – Я просто знаю, чем такие знакомства закончиться могут. Дочка одной моей приятельницы вот так же лучезарно поулыбалась, похихикала, а потом её цап-царап – в машину да в горы! Теперь в селе глухом живёт, из дома носа не кажет. Дикие нравы!

– Так её в рабство взяли? – ахнула Любовь Андреевна.

– Нет, зачем? Замуж. Хотя свадьбы как таковой и не было, по их обычаям при краже невесты свадьба не положена. Так и живёт, бедолага, в платке ходит замотанная, ужас! Никакой свободы.

– Бедная девочка! Жить с нелюбимым человеком...

– Она-то родителям внушает, что любит мужа, но вы же сами понимаете, чего только не наговоришь родным, чтобы их не волновать! Нет-нет, дикие нравы, дикие!

Светлана обвела всех горящим взглядом. Я улыбнулась про себя. Есть люди, которых трудно переубедить...

– Да, Изольда, а что такого вы ему на прощание сказанули? Ругательство какое-нибудь?

– Ну что вы, Светлана! Я просто пожелала ему доброго пути! У меня подруга грузинка, так что кое с какими выражениями я знакома. Иногда представляется случай их применить. Кстати, зря вы так на кавказцев ругаетесь. Вот грузины, например, очень даже интеллигентная нация...

– Да я разве ругаюсь! – она руками всплеснула. – Мне просто девочку нашу жалко, она ведь школу с отличием закончила, надежды подавала, а теперь всё это – коту под хвост. До учёбы ли теперь с двумя детишками на руках?!

– А может быть, она именно там себя и нашла? – взгляд у Любви Андреевны стал задумчив.

– Не смешите меня! Что в горной глуши может найти молодая красивая девушка?

– Ну, не знаю... А только есть и у меня один пример, за которым далеко ходить не надо. Мой сын однажды мне заявил: ухожу в монастырь.

– Как – в монастырь? На полном серьёзе? – округлила глаза Света.

– На полном, – кивнула толстуха. – Я-то сама неверующая, как-то некогда мне было на эту сторону жизни смотреть, но даже меня сомнения взяли... Хотя в первый момент, как новость услышала, чуть дуба не дала. Хорошо, наш папа рядом оказался. Мой муж весьма благотворно на меня влияет, знаете ли...

Она улыбнулась такой хорошей улыбкой, что у всех, кажется, стало теплее на душе.

– Так и что же ваш сын? Всё равно остался при своём мнении?

– Вот от него еду. Послушник он сейчас, в одном из монастырей Ярославской области.

– Ярославской? – встрепенулся мужичок. – Да-а-а....

– Да-а-а... – подхватили и мы со Светланой.

И замолчали. Каждый о чём-то своём задумался, а я прадеда вспомнила. Того самого, коммуниста, который ни во что, кроме своей партии, никогда не верил. Да только перед самой его смертью, как бабуля рассказывала, что-то вдруг изменилось в нём. Не знаю, то ли страх, что не будет потом ничего, его встряхнул, то ли на самом деле пробудилось иное знание, какое может прийти только в самые страшные минуты человеческой жизни, но священника для исповеди Вольдемар Тихонович позвал. И о чём-то долго и очень тихо с ним говорил. И всю неделю после этого, вплоть до самого последнего своего часа, пролежал с чудесной улыбкой на губах. Так рассказывала бабуля, и мне нет причин ей не верить. А самой последней фразой, которую

услышали от ярого коммуниста все родственники, собравшиеся у постели умирающего, было вот это: – наконец-то я увижу истину...

Мои воспоминания прервал негромкий звонок, раздавшийся из моей сумочки.

– Мам, Тоня беспокоится, ты йогурт съела? Он долго может не пролежать, если у вас в вагоне жарко!

– Поела, поела! Бабуля в своем репертуаре... Элли, солнышко, а ты не забыла Ирине Геннадиевне позвонить? Завтра у тебя урок...

– Мам!

Укоризненный голос дочери содержал в себе сразу несколько ответов: и то, что она никогда ни о чем не забывает, и – как же вы меня, мамушки-тётушки, достали со своей опекой! – и еще много всяческих интонаций, оперировать которыми моя дочь умела в совершенстве. Эта способность у неё в прабабушку Тоню, умеющую одним лишь движением брови выразить всю палитру чувств, посетивших её в этот момент. Её мать, спутница непримиримого Вольдемара Тихоновича, имела дворянские корни, о которых, конечно же, семейство Бахметьевых особо не распространялось. Я, кстати, до сих пор удивляюсь, как это прадед Вольдемар оплошал, взяв в жёны дочь врагов народа. Бабушка Тоня утверждает, что виной всему – какая-то невероятная, страшная по силе любовь, но мне это объяснение кажется весьма сомнительным. Может быть от того, что сама я на такие глубокие переживания не способна? Лёня не в счёт – я никогда и не скрывала, что не влюблена в отца своей дочери как кошка. Гормонально-романтическое – так я для себя определяю то состояние, которое посетило меня десять лет назад в Коломне...

– Мам, мы тут с тётушками поспорили... Агнешка уверяет, что на этот раз Архангельск выпал, Броня к Минску склоняется, а я уверена, что тебя на юг потянуло. В Краснодар, например...

– А бабушка Тоня?

– Тоня в наших спорах никогда не участвует, ты же знаешь!

– На что спорили?

– Да так, ерунда! – Элли ухнула радостно. – На мытьё посуды. Ну скажи, скажи, я ведь права, да?

– Как всегда! Хоть и не Краснодар, но к теплу мне захотелось. В Арбузов, дочь.

– Мам, какие арбузы в марте?

– Да нет, это город так называется, Арбузов! Меня уверяют, что это самое лучшее место на свете. Вот, собираюсь этот факт проверить... – я с улыбкой посмотрела на своих попутчиков.

– Арбу-у-узов? – протянула Элли. – Не слыхала. Это что, в Грузии?

– Почему в Грузии? – удивилась я.

– Ну помнишь, мы фильм с тобой смотрели грузинский. Как мальчишка в реку арбузы бросал, а девочка Марина их вылавливала. Помнишь?

– Помню, конечно. Семь историй о первой любви... Но нет, Элли, город Арбузов к тем арбузам отношения не имеет!

– А жаль! Что-то мне арбузика захотелось...

– Придётся до лета потерпеть!

– Придётся, – вздохнул мой ребёнок. – Мам, а ты в этот раз надолго?

– Думаю, дней на десять, солнышко. Но это будет зависеть от... сама знаешь, от чего!

– А ты там не одна, да? Говорить не можешь?

– Да.

– Ты, пожалуйста, будь осторожна, хорошо? Мне сегодня сон такой странный снился...

– Ты мне не рассказывала...

– Не хотела перед дорогой тебя волновать.

– Что, какой-то кошмар, Элли?

– Не кошмар, но... Ой, мам, меня Агнешка зовёт, я тебе потом расскажу, если не забуду. Но ты не переживай, ничего страшного! Может быть даже наоборот! Ну всё, я побежала, а то наши тётушки меня съедят!

– Они могут! Элли, будь послушной девочкой, ладно?

– Мам!

Закончила разговор я с беспокойным сердцем, хотя вроде бы причин на это не было. Ну сон, подумаешь, это же не по-настоящему! Даже если учесть, что некоторые сновидения моей дочурки воплощаются в жизнь каким-то совершенно немыслимым образом, не буквально, но фиксируя узловые точки, накручивая вокруг них фантазмагоричные события, волноваться всё равно не стоило. Да и со сном ли связаны мои ощущения? Может быть, совсем другое подтолкнуло моё подсознание к эмоциональной дрожи?

– Дочка звонила? – Любовь Андреевна, кажется, была удивлена.

– Да. Беспокоится...

– А сколько ей? – это уже Светлана спросила.

– Десять. Но иногда мне кажется, что она гораздо старше меня.

– Знакомое ощущение! – толстуха кивнула. – Дети вообще мудрые существа... до определенного возраста. Вы извините, Изольда, а сколько же вам самой лет? Я бы и не подумала, что у вас такая взрослая дочь!

– Мне тридцать три.

– Вот как... Знаете, а для меня возраст Христа поворотным оказался – замуж я в тридцать три вышла и Славика, сына, родила.

– Я слышала такую теорию, что у человека каждые одиннадцать лет происходят обновления и перемены в жизни. Так что ничего удивительного, Любовь Андреевна! Хотя вот мои тридцать три прошли серо и буднично... – Светлана пожала плечами. – Но моя жизнь вообще редко в какие-то правила вписывается!

– А я в тридцать три в Ярославль переехал, – откликнулся сосед сверху.

– Как?! – в один голос воскликнули обе тётушки. – А мы думали, что вы коренной ярославец!

– Для того, чтобы полюбить город, совсем не обязательно в нём родиться! Любовь – штука спонтанная, дамочки. И непредсказуемая. Иной раз так по башке шандарахнет, что все мозги набекрень посшибает. Потом думаешь – куда смотрел, идиот? А поделать уже ничего не можешь. Любовь, так её за ногу!

– Вот-вот, у меня как раз так и было! – глаза у Светланы загорелись. – Как молнией меня пронзило, только увидела этого негодяя, только что искры из глаз не сыпались. А так всё было – и дрожь в коленях, и бабочки в животе. Рубашки его под подушку клала, чтобы даже ночью запах любимый вдыхать, представляете? Вот дура была!

– И чем всё это закончилось? – с любопытством спросила толстуха.

– Да ничем хорошим! – Светлана махнула рукой. – Хотя вру. Дочке уже двадцать два, скоро внуков мне родит. Наверное, для этого и случилась со мной та история. Знаете, я бы даже согласилась еще раз через развод пройти, лишь бы Санька моя на свет появилась. Она у меня умница, каких свет не видывал. Сейчас на последнем курсе экономического учится, в бухгалтерии просто Бог! Параллельно несколько фирм ведёт, представляете? В её-то годы!

– А мои бездельники и лоботрясы! Всё бы им только с друзьями резвиться да школу прогуливать. Супружница моя, как на работу вышла, совсем из рук детей выпустила. Я ей талдычу: лучше дома сиди, ребятишек воспитывай, а я деньгу и сам притащу. А она: я, видите ли, не только как женщина, но и как личность состояться желаю! Как личность, как вам это нравится?!

– Ну и правильно! Вам, мужикам, что главное? Бабу дома усадить, да делами побольше нагрузить, а о том, что у нас тоже свои желания имеются...

Будь я в другом состоянии, я бы тоже поучаствовала в беседе – всегда любила эту лёгкую, ни к чему не обязывающую и ни к чему не ведущую дорожную болтовню. Но разговор с дочерью повёл мои мысли совсем в другую сторону, вовсе не пересекающуюся с моими милыми попутчиками. И главное, никак не удавалось ухватить за хвост причину нынешнего беспокойства. Какое Эллино слово или, может быть, эмоциональный тон так вдруг переменили моё настроение? Мутно, непонятно, расплывчато. И, кажется впервые за последние годы, грядущее знакомство с новым городом не казалось таким уж радостным и желанным. Может быть от того, что предстояло проходить его в одиночестве?

Глава 2

Впрочем, следующим утром от тягостного настроения не осталось и следа. Город Арбузов встретил своих гостей, как и положено радушному хозяину, солнцем, раскрытыми объятиями и улыбкой. Причём в буквальном смысле. При въезде на вокзал я с радостным изумлением увидела высокую девичью фигурку, застывшую будто в полёте – взлетающая ткань платья, раскинутые в стороны тонкие руки, нежный овал белого лица и сияющая, немного робкая, улыбка на мраморных губах. Статуя расположилась прямо у главного входа в здание вокзала на высоком постаменте, невольно обратив мои мысли к другой героине, неуловимо похожей на эту. Бегущая по волнам – вот что навеял мне сей образ и от чего вдруг звонко и радостно застучало моё сердце. Хороший знак! – моментально решила я и, в прекрасном состоянии духа, совершила свой первый шаг на платформу.

– А вот и мой Вася! Вася, Васенька, мы тут!

Светлана неистово замахала рукой кому-то, другой рукой крепко прихватив меня за плечо. Чтобы не сбежала, так полагаю. Хотя куда мне бежать, в чужом городе, не имея ни одного знакомого лица на сто вёрст вокруг!

Брату своему о временной постоялице любящая сестрица доложила еще в дороге.

– Я же говорила, мои желания Вася выполняет без вопросов!

Впрочем, об этом я догадалась бы и без её слов, лишь бросив первый взгляд на стремительно приближающегося к нам человека. На вид Васе было лет тридцать, хотя Света уверила, что ему сорок один. Возможно, виной всему некоторая небрежность в одежде, свойственная скорее молодому человеку, нежели мужчине в солидном возрасте. Яркий клетчатый шарф на шее, сбившийся на плечо от быстрой ходьбы, длинное пальто непонятного оттенка, который трудно определить даже мне, профессиональному художнику. То ли это серый с примесью олова, то ли грязно-зелёный, вымазанный в болотной жиже... Густые и весьма кучерявые кудри украшала кепка, тоже клетчатая, но совершенно другой расцветки, нежели шарф, и никак с ним не гармонирующая. На мир Вася взирал через круглые в чёрной оправе очки. А довершала всю картинку радостная, чуточку стеснительная, улыбка очень доброго и немного не от мира сего человека. Человек рассеянный с улицы Бассейной...

– А мне казалось, что ты про пятый вагон говорила. Так я в каждое его купе по несколько раз заглянул, прежде чем догадался, что опять что-то напутал!

– И я этому почему-то ничуть не удивляюсь! – Светлана громко рассмеялась. – Знакомься, Васенька, это Изольда, та самая девушка, о которой я тебе рассказывала!

– Здравствуйте, Изольда!

Глаза за толстыми линзами очков казались какими-то неуловимыми, изменчивыми. И опять я потерялась, определяя их цвет. Серые? Или голубые с оттенками аквамарина?

– Огромное вам спасибо, Василий, что согласились меня приютить! Надеюсь, я не очень вас стесню?

– Ну что вы, какая ерунда! У меня такая огромная квартира, что можно неделю в ней прожить и никого не заметить! Хотя вас не заметить будет трудно...

Он покраснел. Как мило!

– И всё же я постараюсь не сильно мелькать перед вашими глазами. К тому же на пленэр я обычно ухожу очень рано...

– Ну, успеете ещё обо всем договориться! Вася, держи мою сумку, и ещё вот эту коробку, она не тяжёлая, но тащить её весьма неудобно. Кстати, она как раз для тебя, тётя Паша сказала, там документы какие-то. И у Изольды чемодан заberi...

– Нет-нет, я сама!

– Никаких сама! Что это вы вздумали? Да и посмотрите, какой мужчина у нас крепкий, не только чемоданы, но и нас на руках донести сможет! Правда, Васенька?

– Ну что ты, Светик!

Смутившись окончательно, Василий схватил каждой рукой по сумке, подмышкой зажал коробку, которая так и норовила вырваться на свободу, и понёсся вперед, не оглядываясь. Шея у парня покраснела – от напряжения, видимо. Мы со Светланой засеменили сзади.

– Сейчас такси поймает, быстро домчитесь, с ветерком!

– А если на общественном транспорте ехать, то очень далеко?

– У нас тут всё не далеко, – Светлана улыбнулась. – А вы на автобусе хотите?

– Можно на трамвае, всё равно. Или это неудобно?

– Ну почему же! Вася, Васенька, стой!

– А?

Он резко затормозил и развернулся, с удивлением посмотрев на нас. Мне показалось, что удивление его было вызвано не внезапной остановкой, а нашим со Светой присутствием. Как будто человек напрочь забыл, где и с кем сейчас находится!

– Вася, наша гостя пожелала автобусом домой добираться. Как ты думаешь, мы можем это устроить?

– Автобусом? Конечно, разумеется, как скажете!

Кажется, Василий даже обрадовался предложению. Может быть, ему тоже по душе неспешные поездки общественным транспортом? Я, например, в Москве стараюсь по возможности метро не пользоваться – пусть дольше и затруднительней, но проехать на троллейбусе или в трамвае для меня гораздо радостнее, чем спускаться в подземелье. К тому же нынешняя моя работа прекрасно позволяет это делать...

– Тогда я вас покину, мои дорогие, устала с дороги так, что ноги не держат. Но в гости на днях ждите! Вот с делами управлюсь и сразу к вам!

Светлана расцеловала брата, коснулась губами и моей щеки и, в секунду остановив какую-то машину, умчалась прочь, только мы её и видели. Энергичная женщина. Такую сестру попробуй послушаться! А как лихо она нас с Васей в одно целое объединила! Да, с такой особой, пожалуй, ухо остро держать нужно, оглянуться не успеешь, как тут же окажешься перед алтарём!

– А вот и наш автобус!

В Васином голосе слышалось облегчение и даже, кажется, радость. А впрочем, я могла и ошибаться, трудно судить о человеке, совсем его не зная. Подошедший автобус оказался практически пустым, всего несколько человек сидело в разных концах салона, и большая часть из них – старушки. Видимо, этот вид транспортного средства в Арбузове не пользуется популярностью...

– Наши люди в основном на маршрутках ездят, – пояснил Вася, направляясь вслед за мной к сдвоенному сидению. – Это гораздо быстрее, а по цене разница в пару рублей. Вы садитесь, а я пойду деньги отдам...

– Подождите, я сейчас, – я полезла в свой карман за мелочью. – А сколько проезд стоит?

– Да вы что, я сам! – ахнул он и, моментально покраснев, кинулся в конец салона, к скучающей кондукторше.

Я смотрела ему вслед. Добрый ты, Вася, человек, хоть и нелепый немного. А сестру твою понять можно – видимо, никто из нынешних хватких девиц на мягкое сердце уже не клюёт, всем подавай брутального мачо, да чтобы шикарное авто под попой и пачки "зелёных" в кармане. А что они потом с богатой пустышкой делать будут, никто и не задумывается. Зачем?

– А вы раньше в Арбузове не бывали?

Он устроился рядом, положив коробку на колени, а мой чемодан пристроив у своих ног. Кепку он зачем-то снял, а через секунду натянул обратно, но так неловко, что зацепил рукавом оправу и ещё бы капельку невезения – точно остался бы без очков.

– Нет, я в первый раз здесь, – улыбнулась я. – Признаться честно, два дня назад я даже понятия не имела о существовании такого города.

– Правда? Но тогда я не понимаю...

– Какого лешего меня сюда принесло? – подсказала я.

– Ну нет! Я не это хотел сказать! – он опять смутился.

– А объясняется всё очень просто. Есть у меня традиция: несколько раз в год я собираю свой чемоданчик, беру этюдник и еду на вокзал, заранее не продумывая, куда направит меня судьба в этот раз. В кассе узнаю информацию о ближайших поездках, наобум выбираю направление – и опля, путешествие начинается! По дороге выведываю у попутчиков, где и у кого можно остановиться, или, если с попутчиками не везёт, нахожу такую информацию уже в самом городе. В этот раз мне повезло, попутчицей оказалась ваша сестра! А про Арбузов я узнала только на вокзале, название вашего городка чем-то меня зацепило. И сейчас вижу, что приехала не зря.

Я махнула рукой в сторону окна. Мы как раз проезжали мимо какого-то дома удивительной красоты – двухэтажное, с цветными витражами в арочных окнах и чудесным ажурным декором на стенах. На крыше его гордо вышагивал лев – не настоящий, конечно – с пышной каменной гривой и загадочной улыбкой. Ещё одна скульптура, трогающая душу.

– Это посольство Египта, – пояснил Василий. – Красивое здание. Построено местным архитектором Львом Лебедевым в конце девятнадцатого века. Год, к сожалению, я не помню. У нас в городе много его проектов. А изображение льва является своеобразной визитной карточкой архитектора, во всех его постройках присутствует то в виде полноценной фигуры, то в качестве какой-нибудь мелкой детали, барельефа или просто вензеля. Недалеко отсюда, кстати, находится дом, который Лебедев спроектировал лично для себя и в котором теперь обитают его потомки. Там этих львов несколько, так что если захотите, я вам потом подробно объясню, как туда пойти...

– Конечно! Вообще знаете, я сейчас поймала себя на мысли, что будто бы видела уже это ваше посольство. Такое может быть?

– Наверное, вам показалось... – он покачал головой с сомнением. – Творения свои Лебедев не повторял, другого такого дома нет больше нигде.

– Возможно, я ошиблась...

Но всё же я была почти уверена, что уже видела это здание раньше. Но когда и где, вспомнить не удавалось. А Василий тем временем продолжал импровизированную экскурсию.

– Наш Арбузов основан в восьмьсот семьдесят первом году и считается одним из древнейших поселений славянской Руси. В те давние времена, конечно, городом бы его никто не назвал, длиной он был всего-то с пару километров, не больше. Но за годы разросся, жителями пополнился, имя поменял несколько раз. Самое первое из известных его названий, которое, к счастью, так и не прижилось – Ростиславск, по имени князя Ростислава Мстиславовича, однажды останавливавшегося в этом поселении. Поговаривали даже, что отец Ростислава, Мстислав Великий, хотел городок сей сыну подарить, но что-то у них не срослось...

– А почему к счастью? Вам не нравится название Ростиславск?

– Мне нравится название Арбузов, – улыбнулся мой спутник. – Ну правда же, оно отдаёт привкусом детства?

– Может быть от того, что вы здесь выросли? Хотя согласна, мне тоже по душе Арбузов....

– Один раз! Я это сделала всего один раз!

Мы с Василием вздрогнули одновременно и оглянулись. На заднем сидении, у окошка, сидела миловидная барышня с телефонной трубкой в руках и явными слезами на глазах. В её нервном возгласе было столько надрывного горя, что мне стало не по себе. Интересно, о чём это она говорит? И с кем?

– Один единственный раз я сказала «нет», и ты тут же сделал, как ты говоришь, логичные выводы! Ну конечно, это система – отказывать твоей семье в помощи! Всё то, что было до этого, оказывается, было исключением из правил, а вчера я наконец-то проявила своё истинное лицо. Да, я совершила преступление, пойдя вчера на работу вместо того, чтобы помочь твоей матери разобраться в чулане! Что ты говоришь? Это показатель моего отношения к твоим родственникам? Теперь ты ни в чём не будешь мне доверять? Прекрасно, просто прекрасно! А что же ты своей сестре этого не скажешь, которая тоже на работу пошла? Ах, она не смогла отпроситься? А почему ты решил, что я это могла сделать? Всегда делала? А вчера не смогла! Что? Что ты решил? Расстаться??

Мы с Васей переглянулись, и я даже привстала слегка. Девушка побледнела так, как будто слова собеседника выкачали из неё всю кровь. Господи, что за монстр там, на том конце провода?

– Да. Я всё поняла. Конечно. Не переживай, я завтра же уйду... – другим, совершенно безжизненным голосом произнесла она и медленно опустила руку на колени. Слёз в её глазах больше не было...

– Может быть, подойти? – тихо прошептала я.

– Не знаю, – откликнулся Василий. – Мне бы, например, не очень понравилось, если бы ко мне в душу лезли посторонние люди...

– А вдруг она решится на что-нибудь плохое? Человек в таком состоянии способен совершить непоправимую ошибку!

– Ну...

Но ничего сделать мы так и не успели. Автобус притормозил, и девушка так стремительно выскочила в открывшуюся дверь, как будто именно в этом видела своё спасение. Автобус тронулся с места, а она побежала куда-то, и вскоре мы с Васей потеряли её из виду.

– Бедная девочка... Но только с таким чудовищем жить... Может это и к лучшему, что она от него уйдёт.

– Мы же не знаем всей ситуации, Изольда. Возможно, истина не там, где нам её показали....

– Не спорю, может быть и так. И всё равно мне её очень жаль!

– Мне тоже. Кстати, на следующей остановке мы выходим...

Квартира, куда меня привезли, оказалась на самом деле не маленькой. Четыре просторных комнаты, огромная прихожая, очень уютная кухня, в которой, как мне показалось, хозяин проводит больше всего времени – тут было место даже для рабочего пространства с невысоким столиком, вольготно расположившимся на нём ноутбуке и удобным на вид креслом. Всегда мечтала иметь такой уголок в доме и никогда у меня его не было...

– Я уже приготовил для вас комнату, Изольда. Очень надеюсь, что она придётся вам по душе! Она самая светлая из всех, ведь вам, художникам, это очень важно, правда?

– Да будь она даже мрачным чуланом, я и то была бы рада. У меня, Василий, никогда не было своей комнаты...

– Как это?

– У нас маленькая квартирка, а кроме меня в ней обитает еще куча тёток разных возрастов.

– Вы что, в общежитии живёте? – изумился он.

– Можно и так сказать, – я усмехнулась. – Вы не обидитесь, если я немного отдохну с дороги?

– Ну конечно! Считайте, что вы у себя дома и ни на что не спрашивайте разрешения – хозяйке можно всё!

– Давайте только ещё один вопрос обговорим, Василий. Сколько я буду вам должна за проживание? Могу сразу же оплатить или потом...

– За проживание?? Да вы что, Изольда, как вы могли подумать, что я с вас деньги возьму?

Кажется, он даже рассердился. А что я такого сказала? Обычное дело – платить за съём жилья, я всегда так делаю и никогда еще за годы моих путешествий это не вызывало у людей такой реакции.

– Василий, ну подумайте сами, я же вам не родственница и даже не знакомая, а это совершенно нормальная практика...

– Может быть где-то и нормальная, но не у меня в доме! Я прошу вас, если вы не хотите меня оскорбить, больше никогда не возвращайтесь к этому вопросу! Договорились?

– Вы уверены, что не пожалеете?

– Абсолютно!

– Ну что ж, хоть мне это и кажется странным...

И тут мне такая гадкая мысль пришла в голову, что я чуть сама себе не надавала по щекам. Хорошо, что вовремя язык прикусила, а мысль эту запрятала в самый дальний уголок своего сознания. Уж если я упоминанием о деньгах человека обидела, то что бы было, выскажи я вслух опасение о другого рода оплате. Не думает ли он... Но нет, уйди, подлая мысль, уйди!

– Вот и отлично! – он сразу повеселел. – Тогда отдохайте, а как придёте в себя – милости прошу на кухню. Я в основном обитаю там, а холодильник забит едой... И пожалуйста, ничего не говорите о тратах – я вполне в состоянии прокормить роту солдат, а не то что одну девушку...

Тут он опять покраснел – в который уж раз за день! – и, чуть не опрокинув изящную этажерку, неосмотрительно оказавшуюся рядом, быстро ретировался на кухню. А я направилась к себе в комнату – хотелось побыстрее скинуть с себя несвежую одежду и смыть дорожную грязь. О еде я сейчас думала в последнюю очередь...

Глава 3

Вечерний город встретил меня мокрым снегом и довольно сильным ветром, хотя утром вроде бы ничего не предвещало такого резкого изменения погоды.

Ну вот, на юг приехала, называется! Погреться! Стоило ли так далеко от Москвы забираться, чтобы опять в зиму угодить? Впрочем, похолодание в данный момент мне не сильно мешало, рисовать я сегодня уже не собиралась, хотелось только совершить небольшую обзорную экскурсию по городу, чтобы уже завтра утром знать примерное направление движения. Это было обычной моей практикой: в первый день приезда я лишь бродила по незнакомым местам любопытной туристкой, отмечая для себя по пути интересные улочки и необычные дворики. У меня даже блокнот с собой был для таких случаев – чтобы не только в памяти отметить, но и адрес записать...

– Ух ты!

Не знаю, каким образом дорога вывела меня к этому чудесному месту. Я просто шла, шла, глазела по сторонам, завернула за очередной угол и бац – передо мной оказалась совершенно дивная лестница, уходящая куда-то ввысь изогнутыми, стёртыми от времени, каменными ступеньками. Какой она была высоты, понять было невозможно, самый верх её скрывался в припорошенном снегом вечернем воздухе. И мерцало что-то такое в самой этой лесенке и в узорных

металлических перилах сказочное и зовущее, что захотелось тут же вбежать наверх и посмотреть, а что же скрывается там, в туманной дали? И ещё одна странная мысль вдруг появилась во мне – как в утреннем моём ощущении, что я когда-то уже видала дом со львом на крыше, так и сейчас мне почудилось, что любовалась я уже раньше и лесенкой этой, и перильцами, и даже вот теми кряжистыми клёнами, что выросли в землю на небольшом пригорке справа. Что это, дежавю? Или самовнушение? Вроде бы раньше я за собой таких нелепостей не замечала...

– Вам помочь?

Моё растерянное недоумение нарушил мужской голос – низкий, с небольшой хрипотцой – неожиданно раздавшийся за моей спиной. Вздрыгнув, я обернулась.

– Это вы мне, простите?

– А больше тут никого нет, – незнакомец, довольно рослый старик с умными карими глазами и лёгкой небритостью на лице, усмехнулся. – Прошу прощения за прямоту, но вы производите впечатление человека, которому только что сообщили, что на Землю высадились инопланетяне.

– Странная ассоциация, – я невольно улыбнулась.

– Вы просто не видите себя со стороны. Так что же вас так удивило, если не инопланетная высадка? Или наша лестница молчания наконец-то заговорила?

– Лестница молчания? – удивилась я. – Заговорила? Это что, такая аллегория?

– Ах, так вы не местная!

В глазах незнакомца зажёгся явный интерес, а меня вдруг пронзило изумление – каким-то непостижимым образом правый глаз старика из карего превратился в ярко синий. И как такое может быть?

– Да, я только сегодня приехала...

– Чудесно! – заинтересованность перешла в радость, которую не увидеть было невозможно. – По делам к нам или так, просто поглазеть?

– Ни то, ни другое.

– Правда? А что же тогда?

Он оглядел меня, ничуть не стесняясь, с ног до головы, да так внимательно, будто рентгеном просветил. Я даже покалывание ощутила в тех местах, куда касался его пронзительный взгляд.

– Художница, значит...

– Как вы догадались? – ахнула я.

– Так я прав? – он рассмеялся. – Признаться, брякнул наобум первое, что пришло в голову. Нет, серьёзно, вы на самом деле художница?

– На самом! И в Арбузов приехала, чтобы порисовать...

– Тогда я вам скажу, что таких живописных мест, как в нашем городе, вы больше нигде не найдёте!

– Если они хоть чуточку похожи вот на это... – я кивнула в сторону лестницы.

– Есть еще прекраснее, поверьте! И знаете, что...

Он замолчал, а я почему-то решила, что сейчас незнакомец начнёт предлагать себя в качестве гида, спутника и верного оруженосца, но закончил фразу он совсем иначе:

– Не бойтесь очарования...

– Что? – я почувствовала себя сбитой с толку.

– Поверьте, не всегда оно ведёт к страданиям.

– Я не совсем вас понимаю...

– А вы знаете, почему наша лестница называется лестницей молчания? – вдруг переменил он тему. – Всё дело в том, что, когда поднимаешься по ней наверх, в голове затихают самые непослушные мысли и пропадает желание о чём-либо говорить. Даже если ты идёшь со своим лучшим другом.

– А если спускаться, мысли возвращаются? – улынулась я.

– А вы проверьте! – Он тоже улыбнулся и отступил назад. – Проверьте. На свои вопросы лучше отвечать сразу. Хотя и не всегда это бывает безопасно. А впрочем, это не ваш случай...

И, больше не произнося ни слова, будто уже коснувшись ногой первой ступеньки лестницы молчания, он кивнул и заспешил дальше, и вскоре белая пелена полностью поглотила высокую фигуру. Растворила в себе. Забрала. А меня внезапно охватил озноб. Наверное, виной этому послужил ветер, вдруг ни с того ни с сего набросившийся на чужеземку и даже чуть не вырвавший из рук блокнот. Впрочем, утих он так же быстро, как и появился. А вот подниматься по лестнице мне почему-то расхотелось. А проверю-ка я слова незнакомца как-нибудь потом! В дневное время, например, когда здесь будет хоть кто-нибудь из горожан... Или Васю с собой захвачу, всё не так страшно!

Постояв ещё чуток в нерешительности, я развернулась, дошла до того переулочка, который вывел меня в это чудесное место и, уже почти занеся ногу для продолжения пути, резко бросилась назад, запрыгнула сразу на третью ступеньку лестницы – чтобы уже точно не передумать! – и крепко ухватилась за кованые перильца.

– Мысли, значит, затихают? – вслух пробормотала я, делая шаг наверх. – И говорить не хочется? Вот это мы сейчас и проверим! Аты-баты, шли солдаты! Аты-баты, на базар! Аты-баты, что купили? Аты-баты, самовар!

На каждый чётко произнесённый слог я наступала на следующую ступеньку, в такт отбивая блокнотом по перилам. Шагалось мне весело, фразы с губ соскакивали бодро и легко. Не мешал движению даже тот факт, что слов в детской считалочке было мало, а ступенек – не счесть. Я просто заканчивала последний куплет и начинала опять с первого, пока не добралась вдруг до небольшой площадки, которой окончился один из пролётов лестницы. Площадка эта оказалась затейливой, в виде небольшого, выступающего вбок, балкончика, а дальше уже лесенка уходила наверх с поворотом направо и терялась где-то вдаль, ещё более окутанная белым туманом.

– Рота, на месте стой, ать, два!

А вот подойти к самому краю балкона мне удалось не сразу. Не знаю, как назвать то чувство, которое вдруг проснулось во мне. Страх перед высотой? Но никогда я высоты не боялась. Почему же тогда ноги мои будто в кисель превратились, и отчаянно закружилась голова? Впрочем, непривычную панику перебороть я смогла довольно быстро. И, не отпуская рук от холодных перил, приблизилась к краю свисающего над пустотой балкона.

Моя смелость окупилась сполна! Не помню, удавалось ли мне когда-нибудь испытывать такой неистовый восторг, который охватил меня сейчас, в эту самую минуту, и перед которым отступили все мои недавние страхи и сомнения! Картина, открывшаяся взору, была поистине великолепна. И ведь я ещё поднялась не на самый верх! В свете заходящего солнца город Арбузов казался какой-то невероятной сказочной страной, несуществующей, но отчаянно желанной – весёлые крыши, окрашенные озорной рукой доброго великана в радужные цвета, манящие огоньки окон, вспыхивающие то тут, то там, как будто посылающие сигналы космосу или мне, замороженной гостье, сверкающая гладь реки, в которой полыхало закатное оранжево-розовое небо, и весь этот мир искрился тысячами кружащихся в радостном полёте белых бабочек – снежинок. Мне почудилось, будто подо мной, отблёскивая и переливаясь, крутился шар – стеклянный снежный шар с глянцевыми домиками и пушистыми ёлками внутри, встряхнутый рукой всё того же чудака-великана...

– Ах! – с пронзённым сердцем воскликнула я и молча, стараясь не выплеснуть из себя ни капельки чуда, отпустила горячие прутья решётки, пересекла балконную площадку и ступила на первую ступеньку. Вниз. Идти наверх больше не имело смысла.

А незнакомец оказался прав...

Глава 4

Сообразила, что заблудилась, я только тогда, когда, свернув за очередной угол, обнаружила перед собой огромный, заваленный каким-то хламом, пустырь. Кажется, меня принесло на самую окраину города, и удивительно ещё, что добралась я сюда без приключений – в моём нынешнем отрешённом состоянии судьба могла покуражиться надо мной, как угодно. Ничего, пронесло. Но что теперь делать, у кого спросить дорогу? Место уж больно глухое, ни одного человека вокруг. А навалившийся на город вечер явно не располагал к долгим поискам – темно, холодно и страшновато, признаться. К тому же остро подкатывал голод, ведь последняя трапеза состоялась ещё днём, в Васином доме, а сейчас уже почти десять вечера!

Взглянув на экран телефона, я обнаружила так же и несколько пропущенных звонков. Странно, что я их не слышала, ведь аппарат всю дорогу пролежал у меня в кармане, а уж вибрацию-то я должна была почувствовать! Так, кому же я понадобилась? Ага, три звонка от Василия, два от Кетеван, и один – от Антона. Кого выбрать первым для ответа, я даже не сомневалась.

– Кето, родная, прости меня, я почему-то не слышала твой звонок!

– Я так и поняла, даiko! Небось, с дикими глазами носишься по городу, место выбираешь? А мне твоя Таня звонила, говорит, ещё одну главу закончила, скоро тебе пришлёт. Волнуется, что по срокам не успеете...

– Она всегда волнуется, Кето, ты же знаешь! А получается каждый раз с запасом. Помнишь, как с её предыдущим романом – закончили за месяц до срока, который ей в издательстве назначили, так мы ещё успели рассказик доработать. Иллюстрации, кстати, получились – закачаешься!

– Ну да, если сам себя не похвалишь... – подружка рассмеялась. – Шучу, Идка, я же знаю, что круче иллюстратора, чем ты, в Москве не сыщешь! А может, и не только в Москве! Татьяне твоей несказанно повезло, что ты согласилась с ней работать.

– Это мне повезло, Кето! У Танюши чудесные книги, такие же, как и она сама!

– Да, она хорошая девочка. Ида, раз у тебя всё в порядке, я могу теперь лечь спать. Бабуля совсем раскапризничалась, пришлось весь день возле неё провести. А теперь спит...

– Кето, улучшений совсем нет?

– Нет, даiko... – голос Кетеван погрузнел. – Ты там береги себя, ладно?

– Обещаю! И ты, подружка! Обнимаю тебя...

После разговора с Кетеван на душе стало светло, как будто зажёгся внутри маленький, но очень стойкий и горячий огонёк. Даже при нынешних бедах, навалившихся на мою подругу, общение с ней греет душу и веселит сердце. Жаль, видаться нам удаётся уже не так часто, как раньше – и у меня забот полон рот, и у Кето – бабушка, прикованная к постели, от которой нельзя отойти больше чем на час. Иногда я думаю: почему таким чистым людям, как моя Кетеван, приходится проходить через столько испытаний? Справедливо ли это? Она рано потеряла родителей, воспитывалась бабулей, замуж выскочила весьма неудачно, и в браке пробыла ровно год. К тому времени молодая мама трёхмесячного крепыша Ираклия чётко для себя уяснила, что жить с домашним тираном в одной квартире – всё равно, что входить в клетку со спящим львом, в какой момент проснётся дикое животное – неизвестно. На сына отец права не предъявлял, и это, кажется, было единственной хорошей новостью для Кето после развода. Из совместной квартиры подруга уходила с одним чемоданом в руке, парой сотенных бумажек в кошельке, но гордая и свободная. Бабуля приняла внучку обратно со слезами счастья, правнука полюбила ещё горячее, чем его маму, но семь лет назад возраст старушки взял своё. После празднования восьмидесятого дня рождения с Нино случился инсульт, бедняжку парализовало, и врачи предрекали скорое окончание жизненного пути. Нино рассудила иначе, и вот уже восьмой год она улыбается одной стороной лица и, кажется, даже начала узнавать внучку в лицо. Радость Кетеван черпает в сыне – Ираклий из крепкого бутуза вырос в долговязого подростка двенадцати лет, вспыльчивого, но с добрейшим сердцем, души не чающего в матери и

прабабке. Все домашние заботы, которые в обычной семье обычно исполняет мужчина, мальчишка взял на себя. Он даже мою Элли умудряется опекать, чему я, признаться, весьма рада.

Работает Кетеван дома, пришлось срочно осваивать новую профессию, в чём она преуспела значительно – теперь шьют у ловкой соседки одежду не только сердобольные жители собственного подъезда... А Таню, талантливую молодую писательницу, нашла тоже она, моя Кетено, и быстро сосватала её мне. Так что все остались довольны: Таня – моими иллюстрациями, я – захватывающим чтивом, а Кето – нашими счастливыми лицами.

Антону я перезвонила, уже выйдя на освещенный переулочек с чудным названием «Последний». Исходя из этой логики, рядом наверняка притаился Предпоследний, а где-то, возможно, и Первый радуется глаз...

– Антон...

– Ну наконец-то! – в его голосе слышалось недовольство. – Сколько можно тебе звонить?

– А разве ты много раз набирал? – удивилась я. – Ну прости, я не слышала.

– Она не слышала, а я тут волнуйся! Тысячу раз говорил: носи телефон ближе к телу или сделай звонок громче! А лучше и то, и другое сразу!

– У меня и так на полную громкость стоит, а держала я его, кстати, в кармане, куда уж ближе? А ты зачем звонил, Антон?

– Как – зачем? – возмутился он. – Чтобы поинтересоваться у своей любимой женщины, как она провела первый день в незнакомом городе! Ты думаешь, это недостаточный повод для звонка??

– Я думаю, что тебе просто что-то от меня понадобилось, вот ты и вспомнил обо мне...

– Ну зачем ты так, Изольда? Всего один единственный раз я совершил ошибку, и ты теперь всю жизнь мне об этом напоминать будешь?

Всего один раз... Невольно перед глазами появилась та девушка, из автобуса, и её беспомощные глаза, и подумалось – а ведь Вася, пожалуй, был прав. Если кто-нибудь сейчас на той стороне провода слышит слова моего собеседника, то что он может подумать обо мне?

– Значит, сейчас ты просто беспокоился обо мне, да, Антоша?

– Конечно! Ты ведь не последний для меня человек, как никак!

– Не последний человек в Последнем переулке...

– Не расслышал, что ты сказала, Изольда?

– Да так, ерунда... Ладно, Антош, мне ещё дорогу искать, завтра созвонимся, ладно?

– Какую дорогу?

– Домой. Ну то есть в тот дом, где я остановилась. Я тут забрела в какое-то место, никак не пойму, как выбраться. Пойду искать людей!

– Будь осторожна, любимая! Помни, что ты мне очень нужна! А, кстати, Изочка, я тебе свой старый планшет не отдавал случайно? Что-то найти не могу, весь дом уже перерыл...

– Планшет? – я усмехнулась. – А в тумбочке около дивана смотрел? Кажется, я там его последний раз видела.

– Точно! Вот я шляпа! Зайка моя, что бы я без тебя делал, а?

– Даже не представляю... О, на горизонте появился какой-то дядечка! Всё, Антоша, созвонимся завтра! Или в другой какой-нибудь день, когда ты ещё что-нибудь потеряешь...

Последнее предложение я произнесла уже, отключив телефон. Зачем обижать мужчину, искренне уверенного в своей бескорыстной ко мне любви? Хотя и я до недавнего времени в этом не сомневалась, но лгать самому себе человеку удаётся гораздо убедительнее, чем обманывать другого...

В своём отношении к Антону я прошла множество стадий – от страсти до раздражённого презрения, и сейчас во мне жило ощущение, что та стадия, в которой я пребывала сейчас – абсолютное непоколебимое равнодушие – окажется последней. Мне оставалось только дожидаться небольшого толчка, маленького камушка под колёсами, чтобы решительно и жёстко

поставить окончательную точку в этой бессмысленной связи. Моё семейство об Антоне не знало, хотя бабушка Тоня, кажется, о чём-то догадывалась. Но, впрочем, тактично молчала, удивляя меня несвойственной ей сдержанностью и невозмутимостью. Правда, узнай она о том, что Антон в некотором роде женат, её реакция могла оказаться совсем иной. А у Антона действительно имелась законная супруга, с которой он то сходил, то вновь разбегался, но подавать на развод почему-то не спешил. В начале наших отношений я свято верила, что эстафета статуса официальной жены перейдёт ко мне, но вот уже прошло три года, а воз и ныне там. И если ещё какое-то время назад меня это обстоятельство вгоняло в тоску, то сейчас мне было совершенно на это наплевать. И даже трёх лет, потраченных на бесперспективного мужчину, несколько не было жаль – зато я приобрела опыт, а опыт, как известно, отец мудрости.

Так что с полученными знаниями я вполне могла пускаться в очередное путешествие на поиски идеального спутника жизни. Да-да, идеального, другие меня теперь не интересовали. К тридцати трём годам я поняла, что полюбить способна только совершенного мужчину, кто бы что на это ни говорил...

Перезвонить Василию я не успела, боясь упустить возникшего неизвестно откуда на дорожке человека. Личный контакт с местным жителем, способным вывести меня из этого глухого района, гораздо лучше объяснений по телефону, пусть и со знакомым человеком.

Тёмная фигура прохожего удалялась от меня со всё возрастающей скоростью. Я убыстрила шаг, потом побежала, неловко скользя по занесённой снегом тропинке, и в тот момент, когда до цели оставалось всего пару метров, человек вдруг резко оборвал своё движение, развернулся, а меня – должно быть, от неожиданности – закружило, как заносит автомобиль на льду, и со всего размаху кинуло прямо в его объятия.

– Чёрт!

– Вот так подарочек с неба свалился! – рассмеялся путник совсем не зло и весело посмотрел мне в лицо тёмными, словно отлитыми из шоколада, глазами.

Обретя равновесие, я быстренько отстранилась, борясь с охватившим меня смущением. Надо же было так опростоволоситься!

– Простите меня, ради бога! Честное слово, я не специально!

– Я вам верю и несколько не сержусь! Признаться, даже рад – никогда не встречал такой красивой женщины!

– Вы просто не знакомы с моей Кетено, – ещё больше теряясь от смущения, невпопад выпалила я. – Вот уж кто просто красавица!

– Кетено? Это ведь грузинское имя?

– Совершенно верно.

– Держу пари, что у вас не менее необычное имя! Я прав?

– Ну... – я пожала плечами. – Мне оно не нравится, но сейчас это не имеет никакого значения. Ещё раз простите меня за неловкость, я просто боялась вас упустить!

– Меня? Упустить? Какая приятная новость! Весьма польщён!

Он уже совершенно не сдерживал своего веселья, и эта его чудесная улыбка и какое-то невероятное обаяние, словно сияющим ореолом окутывающее весь его облик, подействовало на меня самым благотворным образом. Мне показалось даже, что я уже сотню лет знакома с этим человеком, не один пуд соли съела вместе и не один зимний вечер провела наедине...

– Понимаете, я заблудилась...

– Очень хорошо вас понимаю! Я сам чувствовал себя потерянным, вплоть до того момента, как встретил вас...

– Но я серьёзно!

– Так и я не шучу! Посмотрите на меня внимательно – разве я похож на человека, который в такую минуту способен на какие-то глупые, неуместные шутки?

– Ну... есть немного, – я улыбнулась.

– Нет, не может быть! Вы, верно, поверхностно отнеслись к моей просьбе. Давайте попробуем ещё раз!

И он состроил такую невероятно комичную мину, что удержаться от смеха стало просто невозможно. Что я и сделала – от души и с удовольствием расхохоталась.

– Ну всё, теперь я понял окончательно – я встретил женщину своей мечты! И где?! В Последнем переулке!! Вам не кажется, что это судьба?

– Конечно, судьба – вы выведете меня отсюда, и я с благодарностью буду вспоминать о своём спасителе всю оставшуюся жизнь!

– Мне кажется, вы не до конца прочувствовали ситуацию. Ну ничего, у меня будет время изменить вашу картинку мира! Итак, сударыня, какое ваше первое желание?

– Добраться до дома и наконец поужинать.

– Легко! Мой дом и изысканная трапеза для прекрасной дамы как раз находятся недалеко отсюда...

– Нет-нет, я имела в виду свой дом!

– Не переживайте, вскоре он станет и вашим. Но я смотрю, вы напуганы моим напором? Кажется, я сам напуган и даже немного растерян. Признаться, впервые испытываю такое смятение! Верите ли, всегда считал себя уравновешенным хладнокровным человеком, где-то даже циником. Но ваше внезапное появление спутало все мои карты...

– По-моему, шутка затянулась...

– Шутка?

Его лицо вдруг приняло такое странное выражение, что я даже испугалась немного. Уж не с сумасшедшим ли столкнула меня судьба? И в названии этого переулочка – совершенно прозрачный пророческий смысл?

– Вы знаете, я только что вспомнила, что меня ждут... Спасибо за всё и до свидания, молодой человек!

– Я всё-таки напугал вас! – он решительно перегородил мне дорогу. – Умоляю вас, послушайте меня ещё одну только минуту, а потом сами решите, бежать от меня или нет. Согласны?

В глазах его было столько мольбы и отчаяния, что я чётко осознала, что не смогу больше сделать ни одного шага, пока не выслушаю его до конца.

– Хорошо. Говорите, но только побыстрее, я замёрзла.

– Ох, я дурак! – воскликнул он. – Слушайте же, милая девушка! Наверное, то, что я сейчас скажу, покажется вам странным, нелепым, невозможным, но кривить душой считаю ещё большей невозможностью. В первое же мгновение, как я услышал за своей спиной чьи-то быстрые шаги, я понял – это догоняет меня сама судьба. Не спрашивайте, *как* я это узнал – в такие моменты жизнь предоставляет священный шанс заглянуть по ту сторону Неведомого. Мои глаза, мои руки спустя всего миг только подтвердили обрётённое знание и это знание наполнило меня трепетом и восторгом, несвойственным мне в обычном состоянии. Оттого и хмельное поведение, и дурацкие шуточки – виной тому потрясение, которое вызвали вы, прекрасная незнакомка! Я влюбился в вас – всем сердцем, всей душой – в одну секунду, в миг, и невозможно теперь этот процесс повернуть вспять. А теперь решайте – верить мне или нет, я всё сказал!

– Знаете что... Для начала помогите мне выбраться к ближайшей автобусной остановке, а там уж будет видно, что с вами делать. Вы меня ошарашили своей речью, а действовать под влиянием эмоций я считаю неправильным.

– Один в один вы повторяете слова, которые обычно произношу я! – воскликнул незнакомец. – Точнее, произносил, теперь я чувствую в себе необратимые изменения... Ну вот, совсем я вас заморозил! Идёмте же скорей, пока сказочная принцесса не превратилась в Снегурочку!

– Превращение состоялось уже давно, правда на мою неприязнь к холоду это никак не повлияло... – усмехнулась я. – Скажите, а автобусы-то ещё ходят?

– Не уверен, но до остановки тут не очень далеко, там и узнаем. В крайнем случае вопрос решается легко – такси в нашем городе ещё никто не отменял.

Он взял меня за руку так привычно, как будто делал это всегда, а мне почему-то совсем не хотелось отстраняться. Я и не стала, горячую ладонь ощущать было весьма приятно – наверное оттого, что весь сегодняшний день я проходила без перчаток и сейчас пальцев совсем не чувствовала. Когда же окончится эта зима?...

Ночной город казался вымершим, ни одного человека по дороге мы так и не встретили, хотя Последний переулок давно остался позади – мы добрались, как объяснил мой спутник, к самому сердцу города. Признаться, безлюдность меня несколько озадачила, как будто город сознательно удалил со своих улиц всех, кто мог помешать нашему уединению. Но вслух я, конечно, своё сомнение не высказывала, а просто любовалась – старинными особняками, прелестными балкончиками, окнами, в которых размыто двигались тени – то ли людей, то ли прозрачных духов. Я чувствовала себя наблюдателем, зрителем в мистическом кинозале, и ночная темень ещё больше усиливала это ощущение. А присутствие мужчины рядом совершенно не отвлекало от созерцания – он то ли был, то ли не был, временами сливаясь с воздухом мостовых или вновь обретая плотные очертания. Но жар его руки – или сердца? – я чувствовала каждую секунду. Сказка, начавшаяся там, на лестнице, ведущей в млечную высь, продолжалась, и сейчас я сполна следовала наставлениям господина с разноцветными глазами. Я очаровывалась и ничуть этого не боялась. Ведь наступит утро, я вновь взгляну на мир привычными, трезвыми глазами, а пока – дыхание моё в унисон с этим городом, и благодать разлита в каждом нашем вдохе!

– Не бойтесь, завтра ничего не закончится...

– Вы думаете? – я скосила глаза на своего спутника, удивляясь точному попаданию в свои мысли.

– Я знаю. Это как в оперном театре – уж если ты с первого взгляда полюбил этот вид искусства, то принял его в своё сердце навек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.